

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ОЧЕВИДЦА

© 2008 Ю.Ю.Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

В статье анализируются материалы дневника Джеймса Ривза Чайлдса, сотрудника Американской администрации помощи в Казани во время голода 1921 – 1922 гг., представляющие непосредственные впечатления автора о политической и социально-культурной ситуации в России эпохи раннего нэпа.

Начало 1920-х гг. для России стало временем глубочайшего экономического, социального, политического и демографического кризиса, одним из важнейших факторов которого стал голод, охвативший территорию около 40 губерний; по разным оценкам, голодало от 25 до 40 млн человек, из них не менее 5 млн умерло от голода¹. Во время голода населению России оказывали помощь целый ряд иностранных филантропических организаций, среди которых особо следует выделить Американскую администрацию помощи (АРА, от АРА – American Relief Administration). АРА, во главе которой стоял министр торговли США Герберт Гувер, представляла собой неправительственную благотворительную организацию, пользовавшуюся, тем не менее, поддержкой и президента, и конгресса². За период с сентября 1921 по июнь 1923 г. АРА оказала советской России колоссальную помощь продовольствием, медикаментами, одеждой и т.д. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 миллионов взрослых и детей³.

В архивах АРА сохранилось большое количество документов разного рода, которые отражают впечатления сотрудников АРА о Советской России, и одним из таких источников

является дневник Джеймса Ривза Чайлдса "Красные дни в России"⁴.

Джеймс Ривз Чайлдс родился 6 февраля 1893 г. в Линчберге, штат Вирджиния, в старинной аристократической семье⁵. В 1912 г. он закончил колледж Рэндольфа-Мейкона, а в 1915 г. – Гарвардский университет со степенью магистра искусств по сравнительному литературоведению. В годы Первой мировой войны Чайлдс служил в американской армии, отвечал за дешифровку немецких кодов, был в Париже во время Версальской конференции. Около 30 лет Чайлдс провел на дипломатической службе, в частности, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. он являлся посланником США в Саудовской Аравии, Йемене, послом в Саудовской Аравии и Эфиопии; в 1953 г. вышел в отставку. Чайлдс написал 14 книг, и 4 из них посвящены легендарному Джакомо Казанове. В течение многих лет Чайлдс, известный специалист по Казанове и автор его научной биографии, являлся председателем Международного общества Казановы и редактором журнала общества. Скончался Джеймс Ривз Чайлдс в 1987 г. в возрасте 94 лет⁶.

Одним из самых значимых событий в жизни Чайлдса стала его работа в составе Американской администрации помощи в Казани в 1921 – 1922 г.: здесь он приобрел не только уникальный, незабываемый опыт, но и жену:

¹ Журкин А. Американская администрация помощи в России. К истории советско-американских отношений в 1921 – 1922 гг. // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. – М.: 1990. – С. 78.

² Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921 – 1923. – Stanford: 1974. – P. 28; Pate-naude B.M. Herbert Hoover's Brush with Bolshevism // Kennan Institute Occasional Papers. #248. June 1992. – P. 1 – 2.

³ Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919 – 1923. The Operations of the American Relief Administration. – N.Y.: 1927. – P. 557.

⁴ Архив АРА хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США) – Hoover Institution Archives (далее – НИА). АРА Russian Unit (далее – АРА Russia).

⁵ Дж. Ривз Чайлдс является автором генеалогического исследования своей семьи: Childs, James Rives. Reliques of the Rives (Ryves). J.P. Bell Company, Lynchburg, Virginia, 1929.

⁶ J. Rives Childs is Dead; Authority on Casanova // The New York Times. 1987. July 16; Childs J. Rives. Casanova: A New Perspective. Paragon House, 1988.

20 августа 1922 г., как сообщала "Нью-Йорк Таймс", был заключен брак между Дж.Ривзом Чайлдсом и Джорджиной Клокачевой, представительницей старинной фамилии, в роду которой были адмиралы русского флота и "татарские ханы, которые до Ивана Грозного управляли большей частью России из своей столицы Казани"⁷.

Все голодающие регионы России АРА разделила на районы, которые приблизительно совпадали с административным делением. Казанский район первоначально состоял только из кантонов Татарской республики (кантон – административная единица ТАССР, аналогичная уезду), но уже в декабре 1921 г. к ней добавились Марийская область и часть Чувашской области, а в мае 1922 г. – Вотская область, 2 уезда Пермской губернии (Оса и Сарапул) и 2 уезда Вятской губернии (Малмыж и Уржум). Внутреннее деление района практически совпадало с делением на кантоны и уезды. Общая численность населения района составляла 4 538 058 человек. Объемы оказываемой продовольственной помощи варьировались – от 67 тыс. пайков ежедневно в октябре 1921 г. до 1,79 млн пайков в августе 1922 г. и 650 тыс. – в июне 1923 г.⁸

Деятельность района выстраивалась следующим образом: американцы осуществляли общее управление и контроль, а основной объем повседневной работы возлагался на сотрудников из числа местных жителей. В обязанности Чайлдса, сначала отвечавшего за продовольственную помощь детям в кантонах и уездах района, а затем, в 1922 г., на несколько месяцев возглавившего Казанский район, входили многочисленные поездки по городам и селам района, а также постоянное взаимодействие с представителями местных органов власти разного уровня и населением, что позволило ему составить довольно полное впечатление о жизни российской провинции начала 1920-х гг.

Дневник Джеймса Ривза Чайлдса, озаглавленный "Красные дни в России", хранится в архиве АРА в Гуверовском институте войны,

революции и мира и представляет собой машинописный текст с правками от руки, очевидно, готовившийся автором к публикации⁹. В данной статье мы охарактеризуем лишь некоторые темы и сюжеты дневника.

Одним из самых интересных аспектов дневника Чайлдса является отношение автора к советской власти. Заметим, что практически все изученные нами источники АРА содержат в целом негативные оценки – от мягкой критики до довольно резких и нелицеприятных высказываний в адрес органов советской власти. В качестве примера приведем цитату из письма одного из сотрудников АРА в Самаре: "Нехватка достойных людей здесь просто поразительна. Правительство особенно от этого страдает. Это страшное везение, что за последние два месяца мне довелось познакомиться с несколькими "хорошими парнями" во властных структурах – людьми честными и добросовестными, включая уполпредов в Бугуруслане и Городище, главу Последгола в Самаре и главу Земотдела в Пензе. Однако никто из них, за исключением главы пензенского Земотдела, вряд ли у нас в Америке пробился бы выше владельца скобяной лавки... Чем дольше ты здесь, тем больше ощущаешь свою принадлежность к высшей расе; мы все это чувствуем – мы в это верим, и это чувство остается с нами"¹⁰.

Подобное высокомерие американцев отчасти можно понять: они приехали из процветающей страны с уровнем грамотности населения 94% (1920 г.¹¹) в страну измученную, истерзанную, где люди, с которыми они ежедневно контактировали, испытывали нечеловеческие страдания и не могли себе помочь. Американцы оказали эту помощь, спасли сотни и сотни тысяч жизней, местное крестьянское население воспринимало их как спасителей и избавителей – таковыми они подчас себя, как видно, и ощущали. Заметим, что, на наш взгляд, конфликты между АРА и советскими органами,

⁹ Childs J. Rives. Red Days in Russia // HIA. ARA Russia. 7:12.

¹⁰ Harold M. Fleming to H.H. Fisher. April 22, 1923 // HIA. ARA Russia. 104:1. См. также: Хмелевская Ю.Ю. 1922 год на Южном Урале глазами американского очевидца: Уильям Джозеф Келли и его письма из Уфы // Археография Южного Урала. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции, 16 сентября 2003 г. Уфа, 2004.

¹¹ Americans. Reconstruction through the 20th Century. McDougall Littell, 1999. – P. 304.

⁷ Another A.R.A. Romance // The New York Times. 1922. June 28.

⁸ Kazan District History // HIA. ARA Russia. Box 28. Folder 1. (далее – 28:1). См. о работе Казанского района АРА подробнее в: Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921-1922 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – №2.

ответственность за которые в настоящий момент в историографии иногда возлагают на российские власти¹², были обусловлены идеологическим установками не только советской, но и американской стороны, этим чувством собственного превосходства, имеющим еще Вебером выявленные исторические корни и объективно вытекающим из него нежеланием американцев приспособливаться к местным реалиям.

Иной подход к оценкам российской действительности демонстрирует Джеймс Ривз Чайлдс: конечно, и он видит боль, страдание, разруху, отсталость, бюрократизм и некомпетентность; многому не находит рационального объяснения, но пытается не обвинить и заклеймить, а как будто дать молодой стране шанс проявить себя, показать, на что она способна.

Известно, что в американском общественном мнении, в прессе в 1917 – 1918 гг. на смену "кровавому немцу" пришел новый стереотип злодея, которого американцам больше всего нужно было бояться и ненавидеть: оборванный, вшивый, бородатый большевик с безумным взглядом, бандит и убийца. Пресса преувеличивала и даже изобретала рассказы об "ужасах Советской России", а рядовые американцы охотно принимали их на веру¹³.

В связи с этим первое, что поспешил отметить Чайлдс в дневнике, – то, что все его прежние представления о России, навязанные международной и американской прессой, оказались, по его собственным словам, буквально уничтожены: "Я думал, что "Красная Россия" подразумевала Россию в хаосе. Конечно, есть некий хаос, неизбежное сопутствующее обстоятельство столь великих и столь революционных перемен, которые здесь произошли, но в отношении повседневного поддержания закона и порядка здесь все так же нормально, как и в любой другой стране. Опять же, меня уверили, что власть центрального московского совета почти не распространяется за пределы Москвы и крупных городов, но это еще одна, по моему мнению, еще более очевидная ошибка, поскольку во всех селах и городах вдоль Волги и

Камы и на 20 – 30 верст от берега, в которые я смог попасть, власть центрального правительства совершенно неоспорима"¹⁴. Чайлдс особо подчеркивает, что, вероятно, некоторые его суждения создают слишком благоприятную картину, однако, до приезда в Россию ему довелось слышать и читать такое количество лжи, и у него сформировалось столь нелестное мнение о том, чего ждать в России, что и его реакция на увиденное в реальности "неизбежно развивалась в сторону более благоприятную"¹⁵.

В письме к знакомому (оно включено в текст дневника) в конце октября 1921 г. Чайлдс отмечает, что Ленин остается самой популярной фигурой в стране. Его портрет, наряду с портретами Троцкого и других советских деятелей, можно увидеть в деревнях за сотни миль от Москвы, и они висят даже там, где отсутствуют портреты членов правительства Татарской Республики. По мнению Чайлдса, "Ленин и Чрезвычайная комиссия являются самыми мощными силами в правительстве. Ленин предлагает, как мне кажется, величайшую возможность для либеральной модификации советской доктрины. Если бы абсолютную власть захватил Троцкий, правительство, вероятно, превратилось бы в военную диктатуру"¹⁶.

Вопреки общественному мнению на Западе и ожиданиям приехавших в Россию американских сотрудников АРА, советское правительство, по словам Чайлдса, крепко стояло на ногах и, более того, в целом пользовалось поддержкой населения. Чайлдс приводит мнение одного из своих русских собеседников, которое, на его взгляд, передавало самую суть данного вопроса: "Вы можете услышать ропот и выражение недовольства, но если только кто-нибудь попытается серьезно покритиковать правительство, кто-нибудь из рабочих или крестьян точно скажет: "Довольно тебе. Плохое или хорошее, это наше правительство, правительство рабочих и крестьян"¹⁷.

Более того, в письме к знакомому Чайлдс выражает абсолютную убежденность – и свою, и других американцев, работавших в Казани, – в том, что падение советского правительства стало бы самым ужасным бедствием для России. Как пишет Чайлдс, даже люди, ненавидя-

¹² См. например: *Цихелашвили Н.Ш., Энгерман Д.* Американская помощь России в 1921 – 1923 годах: конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. 1995. – М.: 1996.

¹³ *Conlin J.R.* The American Past. A Survey of American History. The Harcourt Press, 1997. – P. 705.

¹⁴ *Childs J. Rives.* Red Days in Russia. – P. 65 – 66.

¹⁵ *Ibid.* – P. 70.

¹⁶ *Ibid.* – P. 66.

¹⁷ *Ibid.* – P. 68.

щие коммунизм и все, что он олицетворяет, согласны с этим по той причине, что члены правительства являются единственными оставшимися в России сильными личностями. Если правительство падет, "власть окажется в руках мошенников и головорезов, начнется период хаоса и бандитизма, а предшествовавшие 4 года русской истории покажутся прекрасным сном". Единственная надежда на возрождение России, по мнению Чайлдса, заключается в политическом, социальном и экономическом образовании через практическую деятельность нынешних руководителей российского правительства¹⁸.

Чайлдс не во всем разделял в целом негативное мнение его коллег по АРА и иностранцев вообще в отношении коммунистов и советских работников. Так, миссис Иган, корреспондент "Сатердей Ивнинг Пост", буквально вскипела от негодования, когда Чайлдс позволил себе высказать в ее присутствии "невинное предположение о том, что не все коммунисты воры и убийцы"¹⁹. Конечно, и он отмечает свойственную многим из российских чиновников необразованность и неопытность, но подмечает и другие черты. По его наблюдениям, за редким исключением председатель местного совета является самым волевым и способным человеком в округе, что относится и к должностным лицам в Казани, столице Татарской Республики: "Впечатляет их явная честность, энергичность, а недостаток образования и утонченности с избытком компенсируется негибкой и бесстрашной волей. Все они без исключения простые люди, но лидеры, кажется, точно знают, как добиваться своих целей". Только если "идти вглубь" советской системы, до уровня заместителей начальников отделов, некомпетентность становится очевидной. Лидеры есть, заключает Чайлдс, но для выполнения намеченных задач им мучительно не хватает компетентных подчиненных²⁰. Со временем Чайлдс несколько изменил мнение об абсолютной честности российских чиновников, но говорить о полном пересмотре взглядов текст дневника оснований не дает.

К примеру, в записях за май 1922 г. Чайлдс вспоминает еще об одном почерпнутом из прессы стереотипе: на Западе распространенно

мнение, что в России дома бывших помещиков и землевладельцев экспроприировали для личных нужд алчные советские чиновники. Чайлдс, по собственному признанию, приложил немало усилий для того, чтобы узнать, как используются советской властью бывшие помещичьи дома, но ему не удалось найти ни одного, который был бы кем-нибудь присвоен для личных нужд. Чайлдс приводит и несколько примеров использования бывших особняков и поместий. Так, недалеко от Спасска прекрасное белокаменное здание, бывшее имение Г.Молостова (имеется в виду усадьба "Три озера" – Ю.А.) было передано детской колонии. Великолепное здание в Казани, бывшее Дворянское собрание, использовалось в качестве приемника для детей-беженцев и сирот, живших на улице. Лучшая детская больница в Казани размещалась в аристократическом особняке, тогда как президент и премьер-министр Татарской Республики (Чайлдс говорит о председателе Президиума ЦИК Татарской Республики Р.А.Сабирове и председателе Совнаркома республики К.Г.Мухтарове – Ю.А.) занимали соответственно две комнаты в очень скромном многоквартирном доме²¹.

Тема советской власти в дневнике Чайлдса тесно переплеталась с "темой молодости" и ее особой роли в становлении молодого советского государства. Вообще, наиболее частым эпитетом, используемым Чайлдсом в отношении советских чиновников, является слово "молодой". Практически каждый раз, встречаясь с руководителем любого уровня – от села до области или республики – он отмечает молодость всех или большинства своих собеседников, довольно часто им "слегка за двадцать". К примеру, "ЧК, самая важная государственная организация, состоит практически из одной молодежи чуть за двадцать"²².

Это наблюдение натолкнуло Чайлдса и на ряд размышлений более общего характера о важности для социального прогресса смены поколений в России. Крестьяне-старики, на его взгляд, по природе своей остаются детьми: "Они мастера хитрости и лукавства, но как только дашь им почувствовать силу большую, чем у них, они начинают каяться и делаются

¹⁸ Ibid. – P. 69.

¹⁹ Ibid. – P. 176.

²⁰ Ibid. – P. 66.

²¹ Ibid. – P. 215.

²² Ibid. – P. 235. Примечательно, что в дневнике Чайлдса ни разу в качестве представителей власти не упоминаются женщины.

послушными и покорными власти словно дети. Их столько обманывали и тиранили прежние царские власти, что они стали себе на уме и не доверяют никаким новшествам". Спасет же Россию молодежь, и это спасение возможно только тогда, когда значительная часть старшего поколения уйдет из жизни. Для стариков же "распалась связь времен", приспособиться к стремительным переменам революционного времени они не в состоянии.

"Удивительно, – пишет Чайлдс, – что в России молодежь с ее энтузиазмом и идеализмом оказалась на переднем фронте, она решительно настроена искоренить все ошибки прошлого, а в других странах после войны возвышенные порывы и надежды молодых людей оказались попранными надменными дряхлыми старцами, называющими себя "государственными деятелями"²³. Чайлдс неоднократно и с интересом отмечает особый энтузиазм молодых "строителей коммунизма" (самому Чайлдсу во время пребывания в России было 28 – 29 лет), "почти религиозный пыл", которым заражены многие коммунисты, и который дает "такую силу советскому правительству", то, что "идеалы советской веры лучше всего распространяются при помощи энтузиазма и энергии молодости"²⁴.

Не обходит стороной Чайлдс и тему взаимодействия АРА с органами советской власти, и здесь он иногда демонстрирует свои дипломатические качества, готовность идти на разумный компромисс, и не стремится идеализировать американскую демократию, противопоставив ее реалиям российской политической системы.

В частности, для реализации продовольственной помощи на местах АРА создавались специальные комитеты – сельские, волостные, уездные (кантонные). По правилам АРА, в эти комитеты должны были входить врачи, учителя, местная интеллигенция, священники, то есть представители не самых "правильных", с точки зрения властей, социальных групп. Во многих районах вопрос о комитетах стал предметом конфликта между АРА и местными властями, считавшими, что АРА собирает под свое крыло буржуазию и контрреволюционеров²⁵,

однако Чайлдс подошел к этой проблеме прагматично. Совершенно очевидно, пишет он, что люди, собравшиеся по поводу создания комитетов, представляли далеко не все слои населения. Однако провести собрания необходимо, "чтобы вечно брюзжащее общественное мнение в Америке было удовлетворено соблюдением АРА традиционных демократических ритуалов". Как трезво замечает Чайлдс, было бы глупо предполагать, что в такое нестабильное время советские власти разрешат собрания граждан, над которыми они не могут установить контроль. И так же глупо было бы верить в то, что если бы сотрудники АРА намеренно попытались отобрать в комитеты АРА местных граждан, которым советская власть не доверяет, подобные комитеты могли бы работать эффективно и в тесном взаимодействии с местными властями²⁶.

Примечательно, что, говоря о составе этих собраний, в которых участвовали и на которых избирались в комитеты АРА устраивавшие власти люди, Чайлдс сравнивает их с "партийными съездами Таммани". Таммани-холл – штаб-квартира демократической партии штата Нью-Йорк, образовавшаяся в конце XVIII в. С 1860-х гг. он превратился в откровенно коррумпированную "политическую машину", т.е. партийную мафию, закулисно вершившую дела демократической партии, контролировавшую городскую бизнес и политику, выборы всех уровней, одним из рычагов влияния Таммани был подкуп голосов избирателей-иммигрантов.

К сравнению с Таммани-холлом Чайлдс прибегает еще раз – когда описывает выборы в местные органы власти: безусловно, коммунистическая партия контролирует все выборы в стране – точно так же, как это делает Таммани-холл в Нью-Йорке, и как некоторые сенаторы "создают" кандидатов в президенты США на партийных съездах²⁷. Один из самых ярких сюжетов дневника Чайлдса – его характеристика так называемых "бывших" – буржуазии, интеллигенции, дворянства. Слова Чайлдса в их адрес проникнуты то сочувствием, то едва уловимой иронией, то совершенно беспощадны.

АРА, где бы они ни работала – в Москве, Казани, Петрограде и других городах – становилась центром притяжения для представитель интеллигенции, буржуазии, дворянства.

²³ Ibid. – P. 234 – 235.

²⁴ Ibid. – P. 161, 259.

²⁵ Fisher H. The Famine in Soviet Russia. P. 92-93; The New York Times. December 9, 1921.

²⁶ Childs J. Rives. Red Days in Russia. – P. 55.

²⁷ Childs J. Rives. Red Days in Russia. – P. 260.

Для последних это была попытка наконец-то найти работу, в некоторой степени нормализовать свою жизнь, вернуть адекватный круг общения, так что сотрудниками контор АРА, помимо прочих, оказывались княжны, баронессы и царские офицеры. Однако многим из них приходилось и отказываться. Чайлдс, в частности, приводит несколько случаев, когда они не взяли на работу кого-то из "бывших" из-за того, что силы и нервы этих людей были истощены, и они не могли работать по стандартам эффективности АРА: "У них – буржуазии и аристократии – сломлены и тело, и душа, а в их психике можно увидеть ненормальность... Их моральное состояние ужасно, их дух растоптан, и можно согласиться, что большевики весьма эффективно решили одну из своих задач, а именно – искоренили в России буржуазные элементы. Вот почему создание антиправительственного контрреволюционного движения из правых невозможно. Буржуазию, если можно так выразиться, избил до бесчувствия. Никогда еще дух какого-либо класса не был подавлен столь полно. Вероятно, внешний мир начинает это осознавать, но, возможно, уже слишком поздно. Несомненно, продолжающиеся попытки свергнуть нынешнее российское правительство совершенно деструктивно влияют на внутреннюю политику в России, и могут привести только к одному результату – сохранению социального конфликта и страданий", - заключает Чайлдс²⁸.

По наблюдениям Чайлдса, местной интеллигенции свойственен абсентеизм: так, в Спасском кантоне никто из интеллигенции никогда не ходил на выборы, поскольку все равно она лишена права выражать свои реальные политические взгляды (сведения почерпнуты из бесед с местными жителями)²⁹.

Одну из самых острых проблем советского общества Чайлдс видел в крайне низком уровне образования населения, а невежественность российского крестьянства его просто потрясла. Ярче всего для американца безграмотность крестьян проявилась на примере их знаний о его собственной родине: АРА старалась широко рекламировать распространяемое ей продовольствие, медикаменты и другую помощь как "дар американского народа". Однако не раз Чайлдсу предоставлялся случай убедить-

ся, что далеко не все крестьяне понимали, о чем идет речь. Так, однажды на пристани он встретил трех русских крестьянок – молодую, средних лет и пожилую, – которые возвращались домой с мельницы с размолотой американской кукурузой. Чайлдс поинтересовался, известно ли им, от кого они получили кукурузу, и в ответ услышал "нет". Нам его дали мужчины; наверное, мужчины знают, но женщинам ничего не говорят, да женщины и не должны задаваться подобными вопросами, – пояснили они. Одна из женщин после дальнейших расспросов сказала, что слышала, будто кукурузу привезли из Америки, но "где Америка, что такое Америка, она не знала".

Молодой человек, как обычно, "чуть за двадцать", оказавшийся секретарем одного из волостных советов Сарапульского уезда, сказал Чайлдсу, что местным жителям трудно в полной мере оценить работу АРА: даже когда жителям волости сказали, что продукты привезли из Америки, для многих это ничего не означало, поскольку у них не было никакого представления об Америке и вообще чем-либо лежащем за пределами их мира³⁰.

Вместе с тем, Чайлдс отмечает и положительные примеры в области народного просвещения. Так, свои впечатления от посещения весной 1922 г. школы села Ромодан он описывает следующим образом: в школе учатся 65 детей из деревень волости, живут они в здании школы. На уроке физики, который он посетил, класс занимался по учебнику, изданному в Москве в 1918 г. Другой класс занимался историей Греции и Древнего Рима по учебнику профессора Ковалевского, напечатанному в Казани, также в 1918 г. Помимо названных предметов, в школе изучают русский язык, французский, немецкий, ботанику, геометрию, естествознание, историю, географию, сельское хозяйство, плотницкое и кузнечное дело, пение и танцы. В 1921 г. в селе собирались открыть школу для взрослых, но экономические условия не позволили этого сделать. "В сравнении с обычной сельской школой штата Вирджиния советская школа, замечу, была ни лучше, ни хуже", - заключает Чайлдс³¹ (напомним, что Вирджиния – родной штат Чайлдса – Ю.А.).

Чайлдс подчеркивает и разницу в отношении советского и царского правительств к

²⁸ Ibid. – P. 179 – 180.

²⁹ Ibid. – P. 220.

³⁰ Ibid. – P. 241, 308.

³¹ Ibid. – P. 215 – 216.

просвещению крестьянского населения. Так, во время той же поездки, в Малоцильнинской волости его с переводчиком однажды разместили в здании бывшей царской школы. В ней, с удивлением отмечает Чайлдс, имелось всего 2 комнаты, при том, что до революции это была единственная школа на округу с числом жителей 5 тысяч человек. Один из сопровождавших Чайлдса чиновников ("высокий красивый мужчина лет тридцати пяти") сказал, что все местное население прежние власти подавляли и держали в невежестве, и лишь сейчас оно "начинает двигаться к просвещению", а он сам научился читать и писать только после революции³². Понятно, что подавляющее большинство советских и партийных работников низового и среднего уровня являлись людьми самого простого происхождения, рабочими и крестьянами, и ждать от них обширных познаний в сфере государственного управления не приходилось, замечает Чайлдс, зато они прекрасно понимали крестьянские беды и нужды.

Как выразился сам Чайлдс, из общения с российскими крестьянами он понял, насколько они непросвещенные, однако сильно сомневался, что кто-то не бывавший в России может полностью оценить и понять степень и причину

их невежества: "После общения с крестьянами может показаться, что они чуть лучше диких животных, но они выказывают столько человеческого чувства, что сам собой напрашивается вывод: если бы им только дали шанс, которого заслуживают люди, и которого русским не давали так долго, они покажут все лучшее, на что способны"³³.

В отечественной историографии встречаются утверждения, что все сотрудники АРА, по многочисленным данным ВЧК – ГПУ были антисоветски настроены³⁴. Конечно, эти отрывки из дневника Джеймса Ривза Чайлдса не рисуют его горячим сторонником советской власти, но не представляется он и ее врагом. Очевидно одно: Чайлдс доброжелательно относился к самой России, ко многим людям, с которыми ему довелось повстречаться за время его тяжелой и самоотверженной работы в рядах сотрудников миссии АРА.

³² Ibid. – P. 235 – 236.

³³ Ibid. – P. 308.

³⁴ См. например: *Усманов Н.В.* Миссия полковника Белла: О деятельности Уфимско-Уральского отделения Американской администрации помощи (1921 – 1923 гг.). – Бирск: 2007. – С. 92.

SOVIET RUSSIA OF THE EARLY 1920S THROUGH THE EYES OF AN AMERICAN WITNESS

© 2008 Yu.Yu.Anshakova

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The paper analyses *Red Days in Russia*, a diary of J.Rives Childs, who worked with the American Relief Administration in Kazan during the famine of 1921 – 1922. The diary is a firsthand account of political, and social conditions as well as everyday life in Russia during the early NEP.